

Глава 42. Побои

С неба повалил снег, и Лу Лю снова засел на зиму, как кот. Жаль только, Ли Фэн всё ещё спешил с няньгао: уходил рано, возвращался поздно, и им оставалась лишь ночная близость — от этого Лу Лю чувствовал себя одиноким.

Раньше он часто сидел дома один и не видел в этом ничего непривычного, а после свадьбы вдруг стал неженкой. Есть что поесть, есть что выпить, можно без дела валяться на кане — жизнь хорошая, а ему всё равно мало: хочется, чтобы Ли Фэн был рядом.

Если бы Ли Фэн ленился вместе с ним, их хорошей жизни быстро пришёл бы конец. Они бы просто померли с голоду.

После снегопада Эр-хуан полюбил нырять в сугробы. Ли Фэн велел Лу Лю не трогать его: пусть делает что хочет, лишь бы не бегал к той дурной псине.

Дурная псина... Лу Лю смотрел на Эр-хуана, думал о его безнадёжной собачьей любви — и вдруг понял, что такое родительское сердце.

Ребёнка он ещё не носил, а уже начал страдать за собаку. Стоя у сугроба, он долго втолковывал Эр-хуану, какая Сань Лян хорошая. Надеялся: наслушается — и полюбит красивую, послушную собачку.

Но он ведь просто пёс. Простые команды понимает, настроение хозяина чувствует, а длинные увещевания — нет.

Он даже лапой осторожно подгрёбал снег к Лу Лю, будто видел, что тому скучно, и звал поиграть.

Лу Лю никогда раньше в снегу не играл. Беднякам зима не в радость: толком не одеться, замёрзнешь — заболеешь, лечиться не на что. В холод он и из дома выходил, втянув голову в плечи, только и делал, что у порога подмораживал продукты в снегу. Какое уж там «играть»?

Так что выходка Эр-хуана его ошеломила. Постояв немного, Лу Лю тоже нерешительно схватил пригоршню снега и бросил в пса. Эр-хуан залился лаем — и игра началась.

Словно понимая, что Лу Лю слабее Ли Фэна, Эр-хуан не прыгал на него, только без конца рыл снег.

Человек и пёс наигрались всласть. Лу Лю вспотел и не рискнул оставаться снаружи: поспешил в дом, вытер пот, передел нижнюю рубаху, заодно постирал её и стал готовить обед.

До пятнадцатого числа Ли Фэну нужно было закончить весь няньгао, поэтому днём он домой не возвращался. Лу Лю хотел перебиваться чем попало, но Ли Фэн как-то проверил припасы и увидел, что тот ест то соленья, то одну зелень, — и как следует отчитал его: нечего гробить здоровье.

Лу Лю слушал эту ругань, а на душе у него теплело; улыбался, и в глазах стояли слёзы. Он ведь сыт, а Да Фэн всё равно его жалеет.

Сегодня в полдень Лу Лю сварил кашу с яйцом и зелёными листьями. Такая каша раньше была для него редким лакомством. Он наварил целый котёл, не доел — поделился с Эр-хуаном.

Эр-хуан непривередлив: отдельно сварить собачью еду — ест с аппетитом; дашь человеческую — тоже ест с аппетитом.

Ли Фэн говорил: по-настоящему хорошо дома зажили только последние два года — главным образом потому, что Эр Тянь женился, и деньги, что удавалось отложить, стали его собственными. Тратить стало легче, даже собаку можно было нормально кормить.

А до этого, когда оба брата ещё не были женаты, на душе от таких мыслей было тяжело. Каждую монету считали по десять раз. Эр-хуан тогда тоже с ним хлебнул горя; разве что в горах ел больше мяса. Ли Фэн не брал с собой зерно — добывал пропитание охотой. Мясо в дикой местности долго не хранится, ещё и зверьё приманивает, так что обычно он делил добычу с Эр-хуаном.

В последнее время Ли Фэн всё чаще вспоминал о горах. Лу Лю слышал в его словах тоску. Он и сам говорил Ли Фэну: тот рождён охотником, так что скучать по лесу — естественно.

Он спросил, пойдёт ли Ли Фэн в горы, когда закончит с няньгао. Тот ответил: там видно будет.

После свадьбы Ли Фэн сдерживал это желание, особенно перед праздниками: раз не горит, можно и подождать.

Он говорил это уже дважды. Лу Лю верил ему — и всё равно боялся, что тот задыхается в этой сдержанности.

Когда Лу Лю сказал это прямо, Ли Фэн предложил «угостить его курицей».

Что за «задохнётся — не задохнётся», глупости. Они живут хорошую жизнь: есть, пить, делать малыша — не надо лишнего думать.

Пообедав кашей, Лу Лю вымыл посуду и поставил тушиться свиной желудок.

После застолья у Сань Мяо мать сказала, что оставшийся желудок отдаёт ему. Лу Лю был очень рад: значит, мама его уже полюбила.

Желудок он порезал, слегка обжарил, потом поставил томиться на малом огне — к ужину будет суп-блюдо.

Вечером Ли Фэн принёс немного няньгао, посыпанного кунжутом; ещё тёплого. Поставил на стол — и сразу пошёл аромат.

— Это супруг Сань Мяо дал. Привёз кунжут от родни, больше цзиня. Днём мы сделали партию кунжутного няньгао, разделили по домам. Хотели заплатить — Сань Мяо не взял, сказал: это от его супруга, в благодарность за помощь со свадьбой.

Лу Лю сразу вскинул голову:

— А.

Как же супруг Сань Мяо умеет себя поставить... рядом с ним он сам выглядит таким простачком.

Может, и ему надо как-то отблагодарить? Но после их свадьбы уже столько времени прошло — не поздно ли теперь?

Ли Фэн умилился, погладил его по щеке и не удержался — поцеловал.

— Об этом тебе думать не надо. Я и снаружи за тебя словечко замолвлю.

Не так уж важно, правда ли кунжут от супруга Сань Мяо. Раз Сань Мяо так сказал — так и есть. Между братьями нужна негласная договорённость.

Молодому супругу, вошедшему в деревню со стороны, нужно время, чтобы прижиться. Мужнин дом — единственная опора; надо поддерживать друг друга, тогда и жизнь будет долгой.

Лу Лю ему верил. Ли Фэн сказал, что мама его полюбит, — и мама правда полюбила. Хе-хе.

Он подал Ли Фэну воду умыться и помыть руки, и супруги сели ужинать.

Сегодня Лу Лю играл с Эр-хуаном в снегу и щебетал об этом Ли Фэну без умолку.

— Он весь был в пятнах грязи, недавно по жиже носился, бока забрызгал. А после игры в снегу — чистенький!

Ли Фэн спросил:

— А ты?

Лу Лю всё лучше понимал двусмысленности. Прямо Ли Фэн ничего не сказал, но «куриный» взгляд он уже научился читать.

— Я тоже чистый. Вспотел — сразу взял горячей воды, обтёрся!

Ли Фэн дослушал и спросил:

— Тогда когда снова помоемся?

Лу Лю смутился, подумал и сказал:

— Когда ты закончишь с няньгао?

Ли Фэн потел сильно; в ватной одежде запариваешься — запах быстро идёт, потому он мылся чаще.

Но зимой слишком часто тоже нехорошо. Закончит с няньгао, тяжёлой работы не будет — можно помыться. А после Сяоняня — ещё раз.

Лу Лю налил ему супа из желудка, выловив все кусочки со дна. Себе оставил меньше половины пиалы.

Ли Фэн поменялся с ним пиалами и велел сначала пить суп, а не есть рис.

Для Лу Лю это была настоящая роскошь — он и вообразить не мог.

Они немного попрепирались, но он послушно выпил суп и так насытился, что глаза сами сощурились от довольства.

Желудок полежал, и суп уже не был таким свежим, как вначале, но для Лу Лю это всё равно было невероятно вкусно.

Он не хотел есть один и предлагал Ли Фэну. Ли Фэн отказывался — тогда Лу Лю стал кормить его с ложки.

Ли Фэн уже не помнил, когда его в последний раз кормили с рук — в каком он был тогда

возрасте. И смешно, и непривычно, но каждую ложку он съел.

С тех пор как они поженились, жизнь была тихой и простой. Несколько яиц, порция мяса, кастрюля супа — и уже долгое, спокойное счастье. Без выкрутасов: есть — так есть, пить — так пить, никто не считает, кто лишний кусок взял и что из дома вынес. Ему это очень нравилось.

Увидев, что Ли Фэн даёт себя кормить, Лу Лю большой ложкой сразу влил ему три ложки супа подряд — чтобы больше пил.

Нелюбовь Ли Фэна к воде была не без причины. В лесу охотник выслеживает зверя по помёту, а звери метят территорию мочой. Идя в горы, нужно оставлять как можно меньше следов: опасный хищник может по ним выйти на тебя.

Хотя, заметив следы некоторых зверей, они и сами нарочно мочатся в ответ — как вызов: здесь есть сильный человек. Не испугался — беги.

Ужин вышел славный. Лу Лю ел мало, от супа живот округлился. После еды в кастрюле осталось больше полпиалы — он подогрел на печи и отнёс Эр-хуану.

Кролик жил в будке Эр-хуана. Днём Лу Лю переносил его в хлев, но в собачьем логове всё равно стоял запах течки — от этого не уйти. Ему хотелось хоть чем-то порадовать Эр-хуана.

Чистый суп, без воды и без риса. Эр-хуан пил так жадно, что язык заворачивался. Вылизал всё и ещё долго лизал миску.

Лу Лю смотрел и радовался.

Он понял, что очень любит видеть, как кто-то ест и пьёт с аппетитом — хоть человек, хоть собака. На душе от этого становилось счастливо.

Вернувшись в комнату, они замочили ноги перед сном. Ли Фэн вытащил из печи полено, затушил и на маленьком жару поджаривал кунжутный няньгао.

— Ты вечером почти не ел риса. Скоро проголодаешься, — сказал Ли Фэн.

Лу Лю тут же потянуло на еду. Закончив с ножной ванной, он улёгся на кан и стал ждать.

Няньгао был из клейкого готового риса, прожарился быстро. Перед сном он успел поесть, и даже во сне всё пахло вкусно.

Проснувшись ранним утром, он ещё сказал Ли Фэну:

— Супруг Сань Мяо — правда хороший человек.

Кунжут и няньгао — идеальная пара. Вкусно, люблю, ароматно!

Ли Фэн рассмеялся и спросил:

— А если я «угощу тебя курицей», я тоже большой хороший человек?

Лу Лю терпеть это не мог: как у него всё всегда к «курице» сводится?

— Ты плохой мужчина.

Напросился.

Ли Фэн собрался бить его палкой.

С утра надо было уходить, так что до вечера.

Снег перестал, прояснилось. В каждом доме стирали и сушили одеяла. Ли Фэн специально наказал Лу Лю не ходить к реке и пользоваться только горячей водой.

— У нас вещей мало, быстро управишься, не стоит оно того.

Лу Лю на всё отвечал: хорошо.

Ли Фэн боялся, что тот не послушается и снова пойдёт мёрзнуть, и добавил:

— Простынешь — плохо для зачатия.

Лицо Лу Лю изменилось. Он снова ответил «хорошо», но уже с куда более серьёзным видом.

Лу Лю дорожил своим маленьким домом, любил Ли Фэна и был доволен нынешней жизнью. Людей в доме всего двое, в большом дворе они занимали немного места, но убирал он всё равно тщательно — хотел, чтобы везде было ладно.

Когда дома чисто — и на душе легко. Когда всё на месте — и жизнь идёт гладко.

Вяленое мясо ещё нужно было досушивать, и он поставил Эр-хуана сторожить передний двор.

Раз выдалось солнце, он снова сменил Эр-хуану солому.

Одежду, одеяла, занавеси и прочее он всё замачивал в горячей воде. Горячая вода лучше вымывает грязь, а ещё он любил толочь мыльные бобы и тоже бросать в таз.

Большие тазы были мелкие, много туда не положишь, поэтому Лу Лю вытащил купальную бочку и замочил там пододеяльник и простыню.

Это не одежда — стирается редко. Он даже притащил табурет, положил поперёк бочки доску, хватал ткань и колотил её вальком.

Доска лежала посередине, оба края оставались свободны: отбитая ткань с другого конца снова соскальзывала в бочку, и вода темнела на глазах.

Лу Лю даже глаза вытаращил.

Небо и земля!

Эти две вещи он перестирывал три раза: замачивал в бочке, топтал в тазу, потом снова тер на стиральной доске — прошёлся по всему полотну.

За день не закончил: когда Ли Фэн вернулся, он ещё даже не прополоскал.

Ли Фэн велел ему отдохнуть, взял выстиранные пододеяльник и простыню и пошёл полоскать к реке.

С горячей водой теплее, но менять её туда-сюда — тяжело и хлопотно. На реке быстрее, зато руки коченеют так, что не выдержишь. У каждого способа свои плюсы.

Ли Фэн был сильный. Ему и тереть не надо: кинул в реку, несколько раз прополоскал взад-вперёд, выжал — и домой.

Ночью в деревне к реке ходят редко, но вдоль тропинки к воде всё равно стоят дома.

Люди увидели, как Ли Фэн вышел с большим тазом и пошёл полоскать постель, — и у всех на лицах было одинаковое недоумение и потрясение.

Что такое?

Он сам стирает?

Днём бьёт няньгао, ночью полощет постель?

Кто-то окликнул:

— Да Фэн, а где твой супруг? Почему ты сам полощешь?

Ли Фэн небрежно соврал:

— Он готовит. Я вернулся, не заметил, уронил на пол. Вот, сполосну — и домой ужинать.

Раньше ему бы поверили сразу: сказал — значит так.

Но теперь было иначе. В доме жили двое, а по деревне уже ходили слухи, что с супругом у них неладно, будто он избил его так, что с кана не встаёт.

Слухи, которые после праздника Лаба было поутихли, из-за одного похода к реке снова дали ростки и быстро расплозлись.

Сами супруги ни о чём не знали, а ночью Ли Фэн ещё и правда прижал своего супруга на кане и «отшлёпал».

На следующий день он ушёл затемно бить няньгао с мужиками и ничего об этом не услышал.

Лу Лю всё ещё был занят уборкой. Чёрная вода после стирки постели так его потрясла, что ему захотелось перестирать всю одежду Ли Фэна!

Он любил крутиться вокруг дома. За работой несколько дней не выходил наружу и даже не знал, во что снаружи превратились слухи.

В тот день супруг Яо поехал в родительский дом с новогодним подарком, по пути присел поболтать с людьми.

Он был из деревни Ли, родня жила недалеко, кругом знакомые — сядешь и сразу разговор.

Говорили как раз о том, что Ли Фэн сам полоскал постель. Супруг Яо мимоходом сказал:

— Небо, Да Фэн слишком балует супруга Лу. Знал бы, что он только с чужими суровый — лучше бы за него шёл, а не за Да Цяна. Вы только на мои руки гляньте: день стирал — всё в трещинах от холода.

Он только сел, не знал предыстории, сказал одну фразу — и над ним долго смеялись. Супруг Яо ничего не понимал, пока вторая невестка Яо не объяснила. Тут он и застыл.

Что? Не сходится. Этот разговор «забил супруга до смерти» ему знаком.

В прошлый раз разве не у него дома это обсуждали? Сколько уже времени прошло — всё ещё мусолят?

Хм... тогда было «так избил, что с кана не встаёт», а теперь уже прямо «до смерти забил».

Супруг Яо: «...»

Если бы Лу Лю совсем недавно не прислал ему тарелку кунжутного няньгао, он бы, может, и поверил.

Щёлкая семечки, супруг Яо сказал, что они ничего не понимают:

— Знаете тот мясной пирог в уезде? Десять вэней за штуку! На ярмарке Да Фэн упрашивал и упрашивал, чтобы супруг Лу купил и съел. У кого из вас муж такой щедрый?

У многих от этих слов на душе закисло. За годы в домах кое-какие деньги скопились, но пирог за десять вэней — такое мало кто себе позволит.

Среди сидящих был и супруг Чэнь. Он фыркнул:

— Он сказал — ты и поверил? Тот из уезда родом, вернулся в уезд — купить пирог для него обычное дело. Может, раньше вообще каждый день ел. Замуж сюда вышел, его ещё и бьют — вот и боятся, что в уезд пойдёт жаловаться. Тем пирогом ему просто рот заткнули.

Супруг Яо не любил супруга Чэнь. Раньше они уже ругались. Тогда супруг Чэнь всё твердил, как хорошо к нему относится Ли Фэн, что он у Ли Фэна любимый младший брат, и стоит ему попросить — всё устроит. Супруг Яо и попросил: пусть Ли Фэн возьмёт Да Цяна в горы.

Ничего, конечно, не вышло. Подарок взяли, дело не сделали — и что, пары слов сказать нельзя? А супруг Чэнь ещё и взбрыкнул, обругал его Да Цяна никчёмным.

В деревне так и живут: сегодня поругались, завтра снова видятся; прошедшее — прошло.

На прошлую ярмарку супруг Яо даже без обид подвёз его, а тот в телеге прицепился к Лу Лю, и в итоге супруг Яо остался крайним, его же и отругали.

Ни с того ни с сего. Голова больная.

Супруг Яо не стал с ним спорить и твёрдо повторил: Лу Лю живёт хорошо, Ли Фэн в своём маленьком супруге души не чает.

Но тема уже бродила несколько дней; у всех на душе кисло, и в такую «хорошую жизнь» Лу Лю никто не верил.

До свадьбы все говорили, что Ли Фэн берёт себе грозного супруга. Прошло столько времени, Лу Лю из дома почти не выходит, праздники уже на носу, все стирают у реки — глянешь вдоль берега, а его нигде нет. Если не забили, тогда что?

— Тётка Чэнь любит лицо держать: смотри, у Эр Тяня с женой вон как, а она наружу ни слова плохого не сказала!

— Вдова же. Начни жаловаться — ещё хуже: старые холостяки сразу вокруг, а люди только посмеются. Лучше молчать.

— Вот-вот. Да Фэн в неё. Тоже лицо бережёт. Он и так старый мужик, женился, да ещё за большие деньги взял супруга, с которым не справляется. Разве он станет об этом на людях говорить?

— Оба как петарды, никто не уступит. Ну и что, что супруг строптивый — разве он Да Фэна переберет? Только и остаётся, что его забьют.

...

Супруг Яо: «...»

Двадцать три — уже старый мужик, значит.

Супруг Яо сказал:

— Не верите — сходите да посмотрите.

Те только засмеялись:

— Молодой ты ещё. Мы просто болтаем, а ты чего всерьёз? Хочешь нас мордой в грязь ткнуть?

Супруг Яо аж рассмеялся от злости:

— Это я вас? Ещё почесать языками — вас самих потом ткнут.

Сидеть там он больше не мог. До чего же бестолковые.

Он встал и вышел — как раз увидел, что Се Янь гонит ослиную повозку в сторону горной тропы.

У супруга Яо застыло лицо.

На ярмарке, когда он ездил с Лу Лю, он видел Се Яня.

Тот хрупкий парень, увидев Лу Лю, сразу потерялся, как в тумане; выбежал следом, сказал пару слов и убежал в панике, будто чего-то страшно боялся.

Человек уже женат. Супруг Яо дружил с Лу Лю, ещё и пирог тогда съел, поэтому наружу не болтал. Но Се Янь снова явился?

Всё.

Всё.

Теперь супруга Лу точно забьют до смерти.

А в это время Лу Лю и не знал, что его собираются «забить насмерть». Он достал меховую куртку Ли Фэна, вынес к сугробу и чистил мех снегом.

Снег ледяной, он работал в рукавицах. Когда руки разогрелись, снял их и продолжил тереть.

В горах холодно, змей и насекомых много; кожаная одежда защищает от укусов и экономит силы. Остальное ещё можно как-то стирать, а зимнюю тяжёлую шубу носят долго, почти не моют — разве что проветривают на солнце.

Лу Лю тоже не мог её по-настоящему выстирать, поэтому просто чистил снегом заметную грязь.

Крови почти не было: Ли Фэн, спускаясь с гор, обычно сразу смывал пятна там, где они появлялись. Целиком вещь не стирали.

Он пыхтел над работой, а Се Янь по извилистой горной тропе приближался.

Утром Се Янь сперва заехал в Луцзятунь, рассказал всё двум отцам. Камень у них с души свалился; они велели ему хорошо поговорить в деревне Ли и даже не раз похвалили Ли Фэна как хорошего человека.

Се Янь ещё привёз Ли Фэну и Лу Лю новогодний подарок. Особый.

Лу Ян сначала хотел выбрать и прислать две книжки с картинками: молодые супруги, им не на супах учиться, сколько еды ни дари — всё не то.

Но Се Янь, увидев эти «Книги по приготовлению супов», так застыдился, что сгреб их все сразу. Лу Ян пожалел и силой оставил у себя большую часть.

Книги с текстом посылать было бессмысленно: ни Ли Фэн, ни Лу Лю читать не умели.

Всего девять книжек с рисунками: у старшего брата Лу Яна — пять, Лу Лю отправили четыре.

Лу Ян ещё сказал: потом можно будет меняться и смотреть друг у друга.

Только когда Се Янь выехал и с утра продулся холодным ветром, румянец стыда у него на лице наконец сошёл.

Он не знал, что Ли Фэн в Новой деревне бьёт няньгао. От Лу Яна слышал только, что тот живёт у подножия гор, поэтому сразу поехал в нижнюю деревню, а там спросил дорогу.

Найти оказалось легко: иди по горной тропе до конца, третий дом от конца — их.

Даже считать не пришлось: как подошёл, увидел, что Лу Лю пыхтит во дворе.

Назвать по имени он не посмел, только крикнул:

— Супруг Лу!

Лу Лю обернулся, узнал лицо Се Яня за деревянным забором двора — и ужаснулся!!

Ни слова не сказав, Лу Лю схватил меховую куртку и помчался в дом.

Влетел, захлопнул входную дверь, потом спрятался в комнате и захлопнул ещё одну.

Только закрыв обе, он прижал ладонь к колотящемуся сердцу и в панике думал: зачем Се Янь сюда пришёл? Почему прямо к нему? Разве он не любил раньше старшего брата? Узнав правду,

поссорился с братом?

Се Янь, оставшийся снаружи, ничего не понял.

Чего он прячется? Он же давно всё знает.

Се Янь приехал с делом: Лу Ян соглашался идти в лечебницу только после встречи с младшим братом. Ради здоровья супруга Се Янь, даже оставшись за дверью, продолжал звать.

— Супруг Лу, выходи, мне нужно поговорить.

Лу Лю не вышел, всё ещё боялся.

Тогда Се Янь сказал:

— Тогда пусть выйдет Ли Фэн, я с ним поговорю.

Лу Лю запаниковал ещё сильнее! Зачем ему и Да Фэн?

Он выбежал из дома. Десяток шагов — и он уже представил худший исход.

Наверное, Се Янь слишком начитанный и соблюдает обряды. Побыл дома несколько дней, не смог смириться с подменой брака и решил всё вернуть.

Лу Лю надул губы. Ему не хотелось расставаться с Да Фэном, но и ставить брата в трудное положение не хотелось. Он открыл калитку, отвернулся и, с жалобным видом, сказал:

— Ты пришёл? Тогда... я пойду с тобой.

Нога Се Яня, уже занесённая в калитку, застыла в воздухе.

— Со мной? Куда это?

Он же ещё даже не звал их в гости на обед.

Лу Лю сказал:

— Домой, к тебе.

Се Янь отшатнулся на три шага, врезался в осла; боль и испуг накрыли разом. Он чуть не умер со страху!

— Я тебя никуда не забираю! Даже не думай! Я тебе говорю — мы с моим супругом живём хорошо! Нас никому не разлучить!

Он запаниковал — а Лу Лю сразу успокоился.

— Тогда зачем ты пришёл?

Се Янь не хотел разговаривать с Лу Лю: мало ли, перекинется парой фраз, а тот опять соберётся «идти домой».

Он хотел Ли Фэна, но Ли Фэна дома не было.

Оба они, что один, что другой, люди тихие и немногословные.

Лу Лю много говорит только когда счастлив — в основном с Ли Фэном. Се Янь тоже только недавно стал открытее и болтает в основном со своим супругом.

Они стояли по разные стороны распахнутой калитки, смотрели друг на друга и молчали; воздух прямо вяз.

Се Янь в последнее время чуть-чуть освоил людские правила и сам спросил:

— Когда Ли Фэн вернётся?

Лу Лю сухо ответил:

— Вечером.

Се Янь до вечера ждать не мог. Ослом править он умел, но ночью один ещё не ездил, нужно было успеть домой засветло.

Лу Лю не хотел, чтобы он шёл к Ли Фэну. Прошло-то всего ничего — Да Фэн узнает, и какой тогда Новый год?

Он упрямо выпытывал, зачем тот пришёл:

— Когда он вернётся, я ему передам.

Когда Да Фэн вернётся, он ничего не передаст.

Се Янь посмотрел на небо и, нехотя, всё же сказал Лу Лю.

— Мой супруг зовёт вас на ужин. Он раньше договорился с Ли Фэном, чтобы вы выбрали день. Сегодня не получится — тогда в другой раз приходите к нам в Шансицунь. Днём мы в уезде, он хочет поест в уезде: там людей меньше, дел меньше, удобнее поговорить. Если придёте в уезд, ищите нас в лавке.

И объяснил, где лавка.

Лу Лю слушал, оглушённый:

— А?

Брат уже договорился с Да Фэном? Да Фэн давно всё знал? Тогда почему не знал он?

Неужели на всём свете один только он — простачок?

<http://bllate.org/book/16991/1590037>